

10. Павильч, А. А. Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики / А. А. Павильч. – Минск : МГЛУ, 2011. – 260 с.

11. Прокопцова, В. П. Компаративное искусствоведение как новая специализация в современном художественном образовании / В. П. Прокопцова // Культура: открытый формат-2011 : сборник научных работ / Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск, 2011. – С. 165–169. – (Искусство: мейнстрим и артхаус). – Библиогр. : с. 169.

12. Ясіновський, Ю. Українські та білоруські нотолінійні ірмолої XVI–XVIII століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження / Ред. Я. Ісаевич, О. Цалай-Якименко. – Львів, 1996.

13. Gołos, J. Polsko-rosyjskie kontakty muzyczne w muzyce świeckiej do końca XVIII w. // Polsko-rosyjskie miscellanea muzyczne. – Kraków, 1967. – S. 22.

14. Muzyczne silva rerum z XVII wieku. Rękopis 127/56 Biblioteki Jagiellońskiej. – Kraków, 1970.

ФЕНОМЕН НЕОДЕТЕРМИНИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. А. Можейко,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук
учреждения образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

Современное общество осуществляет цивилизационный поворот, предполагающий ориентацию на идеал глобальной цивилизации как единого планетарного комплекса, оформляющегося на основе этнокультурного полицентризма. Такой идеал предполагает отказ от презумпции линейного прогресса, основанного на идее унификации путей и форм развития. В современной культуре конституируется новое видение мира, предполагающее описание процессов как нелинейных, т. е. таких, в которых реализуется феномен версификации (ветвления) перспективных траекторий эволюции.

В современном естествознании лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика, непосредственно осмысливающая себя в качестве концепции нелинейных динамик. Однако и в гуманитарной сфере могут быть обнаружены аналогичные тенденции. Теоретические построения, предлагаемые сегодня философией постмодер-

низма, открыты для рассмотрения в качестве концептуальных моделей нелинейных динамик: нелинейное письмо, нелинейная темпоральность, нелинейная модель динамики бессознательного, «генеалогия» взамен линейной «истории» и т. д.

Постулируемый постмодернизмом «новый опыт» (в частности, опыт трансгрессивного характера), собственно, и может быть интерпретирован как опыт нелинейного видения мира. Подвергая мета-теоретическому осмыслению данный процесс, М. Фуко пишет, что в настоящее время осуществляется формирование нового стиля мышления: новый фундаментальный опыт человечества «невозможно заставить говорить <...> на тысячелетнем языке диалектики», – новый способ видения мира нуждается и в новом языке для своего выражения, однако на данный момент по оценке М. Фуко, новому опыту «еще только предстоит найти и язык, который будет для него тем же, чем была диалектика для противоречия» [12, с. 129, 121].

Таким образом, становление теории нелинейных динамик в современной культуре являет собой единый (в предметном, методологическом и парадигмальном отношениях) процесс, реализующийся посредством параллельного разворачивания двух своих направлений: естественнонаучного и гуманитарного. Легитимация в современном менталитете идеи нелинейности существенно трансформирует современную культурную ситуацию, вызывая конституирование нового понимания детерминизма, основанного на отказе от идеи внешней каузальности и фундированного презумпцией случайной флуктуации как решающего фактора в определении эволюционных перспектив неравновесных сред.

Идея линейного детерминизма, основанного на презумпции внешней причины, являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории. Применительно к носителям классической научной рациональности А. Н. Уайтхед отмечал свойственную им «непоколебимую веру в то, что любое <...> изученное явление может быть совершенно определенным образом – путем специализации общих принципов – соотнесено с предшествующими ему явлениями» [15, с. 12]. С переходом к неклассической науке, однако, эта парадигма подвергается критике: как пишет А. Эйнштейн, «высшая аккуратность, ясность и уверенность – за счет полноты. Но какую прелесть может иметь охват такого небольшого среза природы, если наиболее тонкое и сложное малодушно оставляется в стороне? Заслуживает ли результат столь скромного занятия гордого названия “картины мира”» [14, с. 40]. Так, если двигаться в направлении, позволяющем выйти за пределы эволюционного преформизма классической науки, то интенция осмысления множественности и новизны (при самой широкой постановке вопроса) неизбежно приводит к новому (нелинейному) пониманию детерминизма.

Собственно, отказ от линейного понимания детерминизма становится краеугольным камнем синергетической исследовательской парадигмы: как пишет И. Пригожин, «мы все более и более склонны думать, что фундаментальные законы природы описывают процессы, связанные со случайностью и необратимостью, в то время как законы, описывающие детерминистские и обратимые процессы, имеют лишь ограниченное применение» [10, с. 8]. Важнейшим аспектом понимания детерминизма в качестве нелинейного выступает отказ от идеи принудительной каузальности, предполагающей наличие внешней причины, т. е. презумпция того, что Н. Н. Моисеев называет «отсутствием направляющего начала» [8, с. 34]. Собственно, именно этот параметр и выступает критериальным при различении синергетических и кибернетических систем, управляемых посредством команд центра: согласно рефлексивной самооценке синергетики, материя стала рассматриваться ею «не как инертный объект, изменяющийся в результате внешних воздействий, а, наоборот, как объект, способный к самоорганизации, проявляющий при этом свою “волю”... в отсутствие каких бы то ни было организующих факторов» [1, с. 279–280].

В исследуемых синергетикой процессах так называемые необходимые и случайные факторы оказываются практически одинаково значимыми, и специфика эволюционного процесса трактуется как определяемая их уникальными комбинациями. Механизм оформления структур реализуется как самоорганизация неравновесной среды, в процессе которой случайность отнюдь не является тем несущественным фактором, которым можно пренебречь. Согласно И. Пригожину и И. Стенгерс, «траектория, по которой эволюционирует система, <...> характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего. ...Эта смесь необходимости и случайности и создает “историю” системы» [11, с. 228].

Таким образом, нелинейный тип детерминизма становится фундаментальным для современного естествознания.

Анализируя парадигмальные установки современного философского постмодернизма, также можно вполне определенно зафиксировать его ориентацию на радикальное содержательное переосмысление феномена детерминизма. Именно в отказе от детерминизма в его традиционном (линейном) истолковании усматривает Ж.-Ф. Лиотар критерий отличия “постмодернистской культуры” от предшествующей традиции: «научное знание находится в поиске путей выхода из кризиса детерминизма», – линейный детерминизм есть гипотеза, основанная на предположении, что «система, в которую вводится имеющееся “на входе”, стабильна; что <...> позволяет достаточно точно предсказать “выход”» [7, с. 154].

В противоположность этому философия постмодернизма трактует закономерности, которым подчинена рассматриваемая ею предметность, как принципиально нелинейные. Процессуальное бытие предметности моделируется постмодернизмом (например, у Ж. Делеза) как автохтонное и спонтанное, «чистое и безмерное становление качеств изнутри» [5, с. 198].

Линейная версия детерминизма оценивается постмодернизмом сугубо негативно: так, в номадологии радикальной критике подвергается такая «несносная черта западного сознания», как интенция «переносить чувства или поступки на внешние или трансцендентные объекты вместо того, чтобы оценить их с точки зрения внутренних качеств и ценности самих по себе» [6, с. 28]. Противопоставляя традиционное и постмодернистское («имманентное») отношения к тексту, Р. Барт пишет: «чем вызвано <...> неприятие имманентности...? ...Возможно, дело в упорной приверженности к идеологии детерминизма, для которой произведение – “продукт” некоторой “причины”, а внешние причины “причиннее всех других”» [2, с. 268].

Важнейшим моментом постмодернистской интерпретации детерминизма является, таким образом, отказ от идеи внешней причины. Так, противопоставляя *произведение* как феномен классической традиции *тексту* как явлению постмодернистскому, Р. Барт фиксирует критерии их различия именно в рамках детерминационных особенностей. Классической философией «принимается за аксиому обусловленность произведения действительностью (расой, позднее – Историей), следование произведений друг за другом, принадлежность каждого из них своему автору» [2, с. 419]. Тем самым Р. Барт фактически фиксирует такие параметры линейного детерминизма, как преемственность, принудительная каузальность и эволюционность процесса. Текст же находится в ином, не эволюционном, процессе трансформаций не предполагает наличия внешней (вневербальной) причины, ибо он есть преходящее состояние процессуальности письма, что находит свое выражение в постмодернистской фигуре «смерти автора», – по Р. Барту, «что же касается Текста, то в нем нет записи об Отцовстве», и его «“метафорой” служит не линейная причинная цепочка, но “сеть”» [2, с. 419].

Аналогично, метафорическая фигура *смерти Бога* в постмодернистском контексте не имеет отношения ни к атеизму, ни к протестантскому модернизму*. В данной фигуре выражена лишь интенция на переосмыс-

* В протестантском модернизме посредством метафорической фигуры «смерти Бога» выражена идея моральной и когнитивной зрелости субъекта, делающей избыточными для него как трансцендентные гаранты воздаяния за благонравие, так и эвфемизмы, позволяющие маскировать свое незнание ссылкой на Бога как конечную причину (Д. Бонхеффер).

ление самого феномена причины, на переориентацию с понимания ее как внешнего фактора причинения к пониманию ее как имманентного перехода внутреннего предела. Как пишет М. Фуко, «смерть Бога обращает нас не к ограниченному и позитивному миру», но освобождает «существование от существования, которое его ограничивает» [12, с. 115–116]. Исследуемая предметность выступает в этом случае как не подчиненная внешним командам (фактически анти-кибернетическая) и как фундаментально нестабильная (неравновесная), – именно в этом ключе моделирует понимание Бога П. Вирилио [4].

Столь же значимой является для постмодернизма идея неэлиминируемой случайности, и столь же острой в связи с этим является критика классического типа рациональности, усматривающего в феномене случая продукт субъективной когнитивной недостаточности. Согласно постмодернистской оценке, если основанная на идее линейности классическая традиция пытается предотвратить самую идею случайной, непредсказуемой флуктуации, прерывающей линейность эволюции, «рассказывая», по М.Фуко, «о непрерывном разворачивании идеальной необходимости», то для постмодернизма «более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий» [13, с. 84, 93]. М. Бланшо также отмечает, что «следовало бы не только попробовать верить мысли случаю..., но самому верить единственной мысли, которая в принципиально едином мире, сместившем всякую случайность, опять решается выбросить кости в *игре*» [3, с. 75].

Постмодернистская метафора игры также несет смысловую нагрузку введения в содержание теории идеи случайной флуктуации. По Ж.-Ф. Лиотару, «вопрос заключается не в том, что представляет собой соперник (“природа”), а в том, в какие игры он играет. Эйнштейн отвергал мысль о том, что “Бог играет в кости”. Тем не менее именно игра в кости позволяет установить “достаточные” статистические закономерности (в пику старому образу верховного Предопределятеля)» [7, с. 155]. Этот поворот практически изоморфен повороту, осуществленному синергетикой: как пишет И. Пригожин, «для большинства основателей классической науки (и даже Эйнштейна) наука была попыткой выйти за рамки мира наблюдаемого, достичь вневременного мира высшей рациональности... Но <...> существует более тонкая форма реальности, схватывающая законы и игры» [9, с. 216].

Вместе с тем постмодернизм далек от финального отрицания линейного детерминизма, – речь идет лишь о лишении ее статуса тотальности. Так, смысл и нонсенс как грани бытия соотносятся, по Ж. Делезу, таким же образом, как линейные и нелинейные «участки процесса» в

синергетике, т.е. взаимно исключая («не-со-возможные серии событий») и одновременно дополняя друг друга (входя в «со-присутствие») [ср. 5, с. 213–217 и 11, с. 228].

Таким образом, современная когнитивная ситуация может расцениваться как транзитивная с точки зрения осуществляющегося в ней перехода от линейных представлений о детерминационных отношениях – к нелинейным. Благодаря содержательному сопряжению естественно-научных исследований и философской рефлексии над их результатами очевидным становится оформление в современной культуре такого феномена, как неопредетерминизм – детерминизм нового типа, основанный на теории нелинейности.

1. *Баблянец, А.* Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / А. Баблянец. – М. : Мир, 1990. – 374 с.

2. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

3. *Бланшо, М.* Опыт-предел // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / М. Бланшо. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 63–77.

4. [Вирилио, П]: Кибернетика, Бог и телевидение // Комментарии. – 1995. – № 10.

5. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академия, 1995. – 298 с.

6. *Делез, Ж., Гваттари, Ф.* Ризома / Ж. Делез // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 9–31.

7. *Лиотар, Ж.-Ф.* Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.

8. *Моисеев, Н. Н.* Человек во Вселенной и на Земле / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 32–45.

9. *Пригожин, И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / И. Пригожин. – М. : Мир, 1985.

10. *Пригожин, И.* Предисловие редактора английского издания / И. Пригожин // Баблянец А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. – М.: Мир, 1990. – С. 7-9.

11. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.

12. *Фук, М.* О трансгрессии / М. О. Фук // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 111–131.

13. *Фуко, М.* Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М. : Касталь, 1996. – С. 47–96.

14. *Эйнштейн, А.* Мотивы научного исследования / А. Эйнштейн // Собр. научн. трудов. – Т. 4. – М. : Наука, 1967.

15. *Whitehead, A. N.* Science & the Modern World / A. N. Whitehead. – N.Y., 1967. – 279 p.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

С. Б. Мойсейчук,

*кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента социально-культурной деятельности
учреждения образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

Сегодня ученые и практики рассматривают проектные умения и навыки студента, сформированные в процессе взаимодействия с педагогом, как важнейшую составляющую профессиональных компетенций будущих специалистов социокультурной сферы. Среди безусловных преимуществ совместной проектной деятельности педагога и студента отметим следующие: она является пространством *сотворческого диалога* преподавателя и студента; помогает студенту начертить вектор собственного профессионального и личностного развития, способствует формированию и развитию положительной самооценки; она поощряет оригинальность проектной идеи и инновационные технологии ее воплощения.

В процессе совместной проектной деятельности возникают и углубляются «сотворческие отношения», а решение конкретной задачи, в нашем случае проектной, делает их, по мнению белорусского культуролога и педагога В. В. Познякава, «четко положенными в границы времени и пространство, ситуативно-преходящими, но также имеющими свой «повод». Сотворческие отношения между педагогом и учащимися предполагают более высокую степень взаимной заинтересованности не только во внешних формах отношений, сколько в глубоком человеческом содержании таких отношений, наполненных личностно значимыми связями» [4, с. 5].

Продуктивность такого рода отношений базируется и на таких основных психолого-педагогических характеристиках студенческой молодежи, как высокий образовательный уровень и высокая познавательная мотивация, наивысшая социальная активность и достаточно гармоничное сочетание интеллектуальной и социальной зрелости [3, с. 209].